

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ МОДЕЛИ КОРПОРАТИВИЗМА

Машарский Кирилл Геннадьевич

Белорусский государственный университет, Минск

K.Masharski@gmail.com

Колонизация Кореи (или Чосон – «Страны Утренней Свежести») Японией, длившаяся с 1910 по 1945 г., является одним из наиболее трагических периодов в истории Кореи. В то же время колониальный период во многом предопределил путь социально-экономического развития Республики Корея во второй половине XX в.

Включение страны в Японскую империю положило начало существенной модернизации всех сфер жизни страны и перестройки хозяйственного уклада с учетом потребностей государства-метрополии [1, с. 10].

Изначально в планы метрополии не входило развитие промышленности на территории Кореи, что обусловило низкую, менее 10% долю обрабатывающей промышленности в структуре ее экономики в 1910-е гг. [1, с. 11].

Для Японии колония представляла интерес в качестве поставщика продовольствия (в основном риса) с одной стороны, а с другой – рынка потребления для товаров непосредственно японской промышленности, которая в первые два десятилетия XX в. переживала период бурного роста.

Отправной точкой для принятия решения о проведении индустриализации Кореи послужило начало Великой депрессии в 1929 г., экономический ущерб которой для Японии сопоставим с экономическими последствиями Первой мировой войны [7]. Именно после начала Великой депрессии дзайбацу начали переносить некоторые трудоемкие производства на территорию Кореи из-за дешевизны местной рабочей силы.

Также создание предприятий было связано с необходимостью обеспечения японской армии, которая рассматривала корейский полуостров в качестве удобного плацдарма для начала вторжения в Китай и в качестве тыловой базы для своих войск.

Таким образом, объективной причиной общего экономического роста в Корее было, во-первых, начало Великой депрессии, вследствие которой именно с 1929 г. японские монополии начали переносить свое трудоемкое производство в Корею, и во-вторых – вступление Японии в войну с Китаем, а затем и во Вторую мировую войну.

Как отмечает С.С. Сулина, анализ истории создания первых десяти крупнейших финансово-промышленных групп указывает на то, что четыре из них – «Самгян», «Хвасин», «Тэхан» и «Кэпхун» появились еще в период японского колониального господства, а затем настолько успешно приспособились к условиям американской оккупации, что увеличили в несколько раз свои капиталы и заняли ведущие позиции в отдельных сферах национальной экономики [6, с. 125].

Остальные шесть групп возникли в период с 1947 по 1955 г. и в прямом смысле слова были «вскормлены» американским капиталом. Так, например, глава одной из самых крупных финансово-промышленных групп «Самсон» Ли

Бён Чхоль накануне ликвидации японского колониального господства был скромным владельцем пивоваренного завода в городе Тэгу. Глава «Кымсон» Ким Сонгон до 1945 г. был мелким предпринимателем в мыловаренной промышленности. В то же время глава «Хвасин» Пак Хынсик и в период колониального господства являлся одним из крупнейших корейских предпринимателей. А Ким Ён Су, глава «Самьян», известен в истории Кореи как один из первых текстильных магнатов [6, с. 126].

Определяющим критерием появления финансово-промышленных групп являются политические связи, тесные контакты с представителями власти и бюрократической элитой. Это было неременным условием серьезных сделок, прибылей, экономических выгод.

Большинство крупных объединений монополистического типа начали формироваться в Южной Корее уже после ликвидации японского господства. Метрополия оставила довольно богатое промышленное наследство, поэтому возникновение новых корпораций было связано, прежде всего, с реприватизацией японской собственности [5, с. 17]. В соответствии с принятым в 1949 г. законом о распродаже японского имущества они распродавались на аукционе, где было бесспорное преимущество крупного капитала. Кроме того, к тому времени «новые» корпорации формировались, опираясь на американские субсидии, займы и кредиты.

Следует подчеркнуть, что без программ Японии по индустриализации Кореи и наращиванию ее экономического потенциала в 30-х гг. XX в., отвечающих интересам Японии по милитаризации экономики колонии, не было бы многих предпосылок и условий для создания южнокорейских финансово-промышленных групп.

Южнокорейские холдинги во многом позаимствовали черты своих предшественников, в особенности черты японских «дзайбацу», но в то же время не во всем дублируют их структуру и стратегию развития. Чэболь – это многоотраслевые холдинговые компании, ядром которых, как правило, являются промышленные компании, а стратегией реализации продукции занимаются генеральные торговые компании [4].

Отличительной особенностью чэболь от американской, европейской и японской моделей корпоративизма является отсутствие в составе холдинга банковских и других финансово-кредитных учреждений. Кредитно-финансовые инструменты находятся в руках государства, которое распределяет ресурсы между холдингами на реализацию конкретных проектов в соответствии с правительственной программой развития.

За всю историю существования южнокорейской модели корпоративизма было только два примера непослушания правительству, после чего эти компании «Кукчэ» и «Дэу» из-за отсутствия правительственной кредитной подушки стали банкротами.

В настоящее время 10 крупных финансово-промышленных групп доминируют практически во всех ведущих отраслях южнокорейской экономики. Практически все крупные и средние предприятия входят в состав какого-нибудь холдинга либо входят в сферу их влияния и контроля [4].

Одной из отличительных особенностей южнокорейских холдингов является семейный капитал. По этой причине южнокорейские ученые определяют холдинг как группу формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности семейных кланов, которые осуществляют единый административный и финансовый контроль [3, с. 267].

Следует подчеркнуть, что реальное управление холдингами осуществляют семейные кланы, в то же время их доля в акционерном капитале редко превышает 50% [3, с. 267]. Эта же особенность присутствовала в японских «дзайбацу».

Опираясь на поддержку правительства, финансово-промышленные группы смогли в предельно сжатые сроки увеличить производственный потенциал, который способствовал становлению экспортно-ориентированной экономики Республики Корея. Благодаря поддержке правительства холдинги создали практически все базовые отрасли промышленности до таких сложных наукоемких производств как судостроение, автомобилестроение, нефтехимическая промышленность. Для осуществления такого рывка государством для корпоративного вектора была создана масштабная система стимулов и поддержки, которая позволила мобилизовать все необходимые ресурсы для достижения намеченных целей.

С момента прихода к власти военной хунты в 1961 г. правительство щедро субсидировало чэболи, способствуя их монополистической концентрации. Принято считать, что именно приход к власти Пака Чон Хи во многом сыграл ключевую роль в формировании чэболей, но следует учесть ряд других, не менее важных факторов. США оказывали широкую материальную помощь с момента образования Республики Корея (15 августа 1948 г.), но до военного переворота в 1961 г. у американской военной администрации отсутствовала конкретная программа развития этой страны.

Это становится очевидным после анализа специфики материальной помощи в период с 1945 по 1960 г. В данный период помощь направлялась только на снятие социальной напряженности, программа импортозамещающего развития была разработана корейскими специалистами, в то время как все последующие программы экономического и экспортно ориентированного развития разрабатывались во многом американскими экономистами при содействии МВФ, МБРР и Агентства международного развития (США) [1, с. 41].

Следует подчеркнуть, что США первоначально «вскармливали» одного своего союзника – Японию, которая окрепнув, помогла формировать военно-политический и экономический блок на Дальнем Востоке, состоящий из индустриальных и самодостаточных экономик. Это же отвечало неокOLONIALным устремлениям финансовой олигархии Японии. Так, развитие Республики Корея и Тайвань проходило под сильным влиянием опыта Японии, элементы стратегии развития которой были внедрены в индустриализацию этих стран. Сходство опыта всех трех стран также во многом вызвано определенной общностью социально-культурных и исторических предпосылок, ибо Республика Корея и Тайвань были японскими колониями. В то же время путь каждой из стран уникален и неповторим, ибо результаты схожего опыта оказались совершенно различны.

В результате государственной поддержки чэболи стали играть ключевую роль в экономическом развитии Южной Кореи и доминировать в национальной экономике [4].

В условиях отсутствия в составе холдингов банков и кредитно-финансовых учреждений государство является единственным распределителем международной помощи и кредитно-финансовых потоков. Как уже было сказано ранее, государство распределяло средства между компаниями на развитие приоритетных отраслей промышленности и оказывало им всяческую поддержку. С момента создания государство использует финансово-промышленные группы для достижения всего спектра государственных целей: от макроэкономических до внешнеполитических. Об этом свидетельствует привлечение крупного капитала к осуществлению экономических проектов с Северной Кореей, а это в немалой степени способствует стабилизации ситуации на Корейском полуострове [2, с. 206].

В отношениях государства и финансово-промышленных групп присутствует очевидное доминирование первого над вторым. Игра ведется по правилам государства.

Ни в одной из азиатских стран, в частности «азиатских тигров», за аналогичный период не было создано столь масштабного промышленного комплекса, включающего в себя такие капиталоемкие производства, как сталелитейное, автомобилестроительное, судостроительное. Одна из причин этого заключается в том, что индустриализация в Республике Корея проходила при участии крупных финансово-промышленных групп. Чэболи, в отличие от малого и среднего бизнеса на Тайване, смогли взять на себя, хотя и при поддержке правительства, финансирование дорогостоящих масштабных проектов в промышленности.

Феномен «южнокорейское экономическое чудо» связан, прежде всего, с уникальной спецификой государственно-корпоративных отношений, в конечном итоге именно эта модель взаимодействия является одной из самых эффективных моделей развития второй половины XX в.

Южнокорейские холдинги во многом позаимствовали черты своих предшественников, в особенности черты японских «дзайбацу», но в то же время не во всем дублируют их структуру и стратегию развития.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, следует сделать вывод, что основными предпосылками появления финансово-промышленных групп являются:

- 1) развернувшийся процесс капиталистической трансформации Республики Корея под влиянием иностранного капитала;
- 2) реприватизация внушительной японской собственности крупной буржуазией Республики Корея, тесно связанной с госаппаратом, которая нажилась на острой ограниченности финансовых средств, а также коррупции чиновничьей бюрократии;
- 3) реализация политики экспортно-ориентированной индустриализации в середине 1960-х гг.

Литература

1. Коргун, И. А. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2011 гг.) / И. А. Коргун, Л. В. Попова ; под науч. ред. проф. С. Ф. Сутырина. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 244 с.

2. **Корейский** полуостров и вызовы глобализации = Korean peninsula and the challenges of globalisation : доклады, представленные на X Научной конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 29–30 марта 2006 года / [редакторы: А. З. Жебин (отв. редакторы), К. В. Асмолов, Р. В. Савельев]. – Москва : ИДВ РАН, 2006. – 315 с.

3. **Ленский, Е. В.** Транснационализация капитала / Е. В. Ленский. – Минск : ЗАО «Армита-Маркетинг, Менеджмент», 2001. – 325 с.

4. **Развитие** – международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам. Статья «Эволюция взаимоотношений южнокорейских конгломератов с правительством» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/501/53/>.

5. **Синицын, Б. В.** Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945–1959 гг.) / Б. В. Синицын. – Москва, 1961. – 152 с.

6. **Суслина, С. С.** Экспансия иностранного капитала в промышленность Южной Кореи. / С. С. Суслина. – Москва : Наука, 1979. – 168 с.

7. 이한구저. 한국재벌형성사. / 이한구저. 서울, 1999. – 681 p.

8. 재벌 성장의 주역인가 담옥의 혁신인가. / 강철규, 최정표 공저 장지상. 1991. – 308 p.

ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

Мишук Сергей Сергеевич

Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова, Белорусский государственный университет, Минск
mishuk_siarhei@inbox.ru

Начавшееся в 80–90-е гг. XX в. формирование информационного общества вступает в современных условиях в новую фазу. Информационно-коммуникационные технологии, развивавшиеся ранее главным образом в научной и образовательной сферах, распространились в настоящее время во все без исключения элементы современной жизни. Более того, во многих структурах общества они начинают играть системообразующую роль. По своей сути информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) оказываются необходимым условием и закономерно-обязательным элементом современного этапа функционирования и развития ноосферы.

Поэтому без учета воздействия данных технологий на различные компоненты цивилизации, их роли в производственной сфере и обыденной жизни людей не представляется возможным выполнить корректный анализ уже существующих и вновь возникающих проблем в области современного бизнес-образования, а также путей их решения.

Реализация потенциала, представляемого сферой информационно-коммуникационных технологий, в дальнейшем совершенствовании системы бизнес-образования представляется возможным в двух основных направлениях.

Во-первых, использование уже существующих инфокоммуникационных технологий для удовлетворения текущих запросов рынка образовательных услуг,